

А.П. ЧЕХОВ В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ И.А. БУНИНА И М.А. АЛДАНОВА

Рассматривается проблема восприятия русской классической литературы писателями Русского зарубежья, в частности, отражение традиций прозы А.П. Чехова в произведениях И.А. Бунина и М.А. Алданова. Писатели являлись современниками, влиявшими на эстетические позиции друг друга.

Ключевые слова: русская классическая литература, мотивы рассказов, пьес Чехова, творчество Бунина, Алданова.

Е.А. Zhiltsova

A.P. CHEKHOV IN I.A. BUNIN'S AND M.A. ALDANOV'S CREATIVE PERCEPTION

The author considers the problem of perception of the Russian classical literature by Russian-language writers abroad, in particular, the reflection of A.P. Chekhov's prose traditions in I.A. Bunin's and M.A. Aldanov's works. The writers were contemporaries and influenced esthetic positions of each other.

Key words: the Russian classical literature, the motives of Chekhov's stories and plays, the creativity of Bunin and Aldanov.

Русская классическая литература стала духовным и нравственным ориентиром в судьбе писателей-эмигрантов. Безусловно ее влияние и на их художественное, изобразительное мастерство.

Восприятие идей, приёмов А.П. Чехова в творчестве И.А. Бунина изучено довольно глубоко. Наиболее полный обзор литературы дореволюционного и советского периодов содержится в монографии В.А. Гейдеко "А. Чехов и Ив. Бунин" [9, с. 6-12].

Но исследований, посвященных выявлению значения Чехова в прозе М.А. Алданова, почти не проводилось. К теме рецепции Чехова обращается В.В. Шадурский [12, 13].

Чеховская рецепция, объединяющая Бунина и Алданова в нашей работе, интересна тем, что писатели являлись современниками, близкими в своем отношении к миру, искусству. Они влияли на эстетические позиции друг друга, на оценки творчества Толстого, Достоевского, Чехова. По мнению Алданова, творчество Бунина составляет "такую же часть русской классической литературы, как, например, творчество Тургенева, Гончарова, Чехова <...>" [10, с. 144].

Бунин обязан Чехову своевременной оценкой своего дарования и поддержкой в жизни. В 1908 г., уже после смерти писателя, потрясшей его "необыкновенно" [3, с. 93], Бунин посвящает ему стихотворение "Художник". Близко знавший семью Чехова, он оставит незавершенной книгу воспоминаний "О Чехове". Из переписки Алданова с В.Н. Муромцевой-Буниной мы узнаем, что даже за два часа до смерти Бунина она читала ему письма Чехова, и он "говорил, что нужно отметить" для будущей книги [10, с. 151]. Неудивительно, что помочь ее издать будет призван именно Алданов. И уже он сам в предисловии к книге напишет об очевидном сходстве биографий и творческих судеб Чехова и Бунина. Говоря о поступках Бунина в 1920-1940-е годы, Алданов отмечал: "Я уверен, что так вёл бы себя и Чехов, если б дожил" [2; кн. 6, с. 546]. Теперь уже Чехов даёт возможность Алданову лучше понять только что ушедшего из жизни друга.

Сначала остановимся на восприятии чеховского творчества Буниным. Интерес Бунина к Чехову отличается постоянством. Чехов был для него одним из наиболее замечательных русских

писателей, человеком, жившим, по словам А.К. Бабореко, "небывало напряженной внутренней жизнью" [3, с. 93]. Но и сам Чехов высоко ценил творчество Бунина, их сближало "выдумывание художественных подробностей" [7, с. 210]. Перед своим отъездом за границу он говорил: "А Бунину передайте, чтобы писал и писал. Из него большой писатель выйдет <...>" [3, с. 92].

В бунинских текстах рубежа веков немало общего с теми произведениями Чехова, где он воспроизводит картины русского быта конца XIX в. ("Мужики", "Новая дача", "В овраге").

В повестях "Деревня", "Суходол", "Ночной разговор" (и других) Бунин живописует убийства и грабежи, увиденные в любимой им деревне после революции 1905 г. Население неблагозвучной Дурновки автор именует "живорезами" [8, т. III, с. 100], чьи фамилии и прозвища говорят сами за себя - вдова Бутылочка, Серый, Кошель, Коза. В деревне, где свои же "мужики сожгли и разгромили несколько усадеб" [там же, с. 23], любая драка может обернуться убийством ("братья однажды чуть ножами не порезались" [там же, с. 8]). Эпигоны чеховского "злоумышленника", бунинские персонажи воруют и используют для растопки деревянные щиты, защищающие железную дорогу - "чугунку" - от снега. Вслед за Чеховым Бунин показывает свое суровое отношение к деревне и простому мужику: они вырождаются, и усадьба превращается в "усадьбишку" [там же, с. 21].

В "Окаянных днях" [6] упоминание о литературе XIX в. проявляет реминисцентную основу. Среди интенсивно нарастающего звучания голосов прошлого Чехов слышен вместе с Грибоедовым, Пушкиным, Герценом, Достоевским, Толстым [6, с. 74]. Его голос в трагическое для России время помогает Бунину противостоять революционным бесчинствам и произволу.

Бунин использует в своем творчестве художественные принципы, предложенные Чеховым. В 1927-1930-х гг. он создает ряд кратких рассказов ("Слон", "Телячья головка", "Роман горбуна" <...> и многие другие), - в страницу, полстраницы, а иногда в несколько строк. То, что писал Бунин в этом жанре, было результатом смелых поисков новых форм предельно лаконичного письма, начало которым положил Чехов [3, с. 279]. Мысли Бунина созвучны чеховским, но он предлагает и вовсе ограничиться малым: "В сущности, о всякой человеческой жизни можно написать только две-три строки <...>" [8, т. IV, с. 247].

В "Темных аллеях" претворяется еще один чеховский принцип. Большинство текстов книги строятся по схеме, предложенной когда-то Чеховым: героев в рассказе не должно быть много: он и она вполне достаточны для сюжета. Нередко персонажи безымянны, вместо имён и фамилий используются местоимения и другие заменяющие их слова и словосочетания (например, "племянница" в "Весной, в Иудее" [8, т. V, с. 475], "марокканец" и "девочка лет пятнадцати" [там же, с. 478, 479] в "Ночлеге").

Прототипом одной такой безымянной героини в "Темных аллеях" стала Лидия Авилова, которую Бунин знал лично и чьи письма хранили они с женой. Иван Алексеевич собирался многое рассказать о ее трагической любви к Чехову в своей книге о нем. Недаром незадолго до смерти Бунин сообщает в письме Алданову, что книга будет "редкая" [10, с. 151] и в подробностях описывает, что Авилова "переживала со времени воцарения Ленина в смысле беспредельной нищеты, стоя в мокрых опорках на Смоленском рынке и продавая свое последнее, самое последнее от прежних достатков <...>" [там же]. Перипетии ее судьбы мы узнаем в "Холодной осени": "Весной восемнадцатого года, когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговки на Смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: "Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?" Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в папахах и расстегнутых шинелях кое-что из оставшегося у меня, - то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый молью <...>" [8, т. V, с. 433]. Еще раньше, в романе "Жизнь Арсеньева", Авилова - фамилия редактора газеты "Голос".

Но отношение к детали в тексте у Бунина иное, чем у Чехова. Если в "Даме с собачкой", "Невесте" бытовые подробности ("осетрина-то с душком" [11, т. X, с. 137], "жирн<а> индейк<а>" [там же, с. 205]) противопоставлены отношениям персонажей, то у Бунина в рассказе "Качели" они аккомпанируют влюбленным. Совершенно неуместные, казалось бы, луковый запах и "битки в сметане" [8, т. V, с. 458], "дикая" игра живописца на фортепьяно и визг колец на

качелях вместе с молодым месяцем и запахом росы оказываются поэтическими элементами легкой любовной игры, за которой еще не видно никаких катастроф. Здесь Бунин продолжает традиции чеховского психологического реализма: "Пусть на сцене всё будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье, и разбиваются их жизни..."

Чехов входит в круг чтения бунинских героев (Арсеньева из романа, героини "Чистого понедельника", там же упоминается могила Чехова как историческая реалия [8, т. V, с. 465]). Алексей Арсеньев "<...> выбирал из почты новую книжку столичного журнала, торопливо разрезал ее... Новый рассказ Чехова! В одном виде этого имени было что-то такое, что я только взглядывал на рассказ, - даже начала не мог прочесть от завистливой боли того наслаждения, которое предчувствовалось" [там же, с. 197]. Восхищение героя Чеховым имеет автобиографичный характер: "...Вы самый любимый мной из современных писателей..." [4, с. 200], - сообщал Бунин Чехову еще в 1891 г.

Алданов, младший современник Бунина, был лишен такой тесной связи с русской классической литературой (которая могла бы, как в случае с Буниным, включать и личное знакомство или даже дружбу с Толстым и Чеховым). Чехов умер, когда Алданов был еще ребенком. Тем более примечательно, что во многих работах литературного характера, в письмах Алданов соотносит свои наблюдения с некоторыми мыслями Чехова, с сюжетными ситуациями его произведений.

Начиная с публицистической работы "Армагеддон" (1918) и впоследствии на протяжении 30 лет Алданов писал о Чехове в очерке "Загадка Толстого", в статьях "О романе", "О Чехове", в книге философских диалогов "Ульмская ночь", где цитируется только что опубликованная книга "Чехов в воспоминаниях современников". Наиболее глубоко об авторе "Дамы с собачкой" Алданов написал в статье "О Чехове", где отвёл ему место - за Толстым, Гоголем и Достоевским, - отметив, что и "в рассказах, и в театре он создал свой жанр, свой ритм, свою фразу" [2, т. VI, с. 478].

В творчестве как Бунина, так и Алданова приобретают развитие топос и символика "Вишневого сада".

В художественных исканиях эмигрантского периода Бунин вновь обращается к топосам деревни и усадьбы. Он изображает прошлое XX, XIX и даже XVIII в., которое оказывается ярче и важнее настоящего. В прозе Бунина отразился исторически закономерный упадок усадебного быта и культуры. Ее "золотой век" связан с именами классиков, чьи произведения представляют собой вершинные явления русской культуры, в том числе с Чеховым. Усадебный хронотоп воплощается в романе "Жизнь Арсеньева", в пятнадцати рассказах книги "Темные аллеи". В загородном имении поэтизируются чувства центральных героев, описаниям поместий в тексте свойственна высокая эмоциональность.

Особым характером бунинского восприятия усадебного мира можно объяснить, почему при неизменном восхищении Чеховым он критиковал его пьесы. Бунин считал себя знатоком дворянского быта, ведь сам он рос "именно в "оскудевшем" дворянском гнезде", "с большим садом, только не вишневым" [5, с. 93], в отличие от автора "Вишневого сада", не знавшего "жизни в помещичьих усадьбах" [7, с. 17-18].

Алданов ставит под сомнение слова старшего друга: "Едва ли это верно: Чехов жил в них подолгу, не один раз (например, в Бабкине, у Киселевых), да и в этом н е о б х о д и м о с т и не было. Он во всяком случае знал много больше русских помещиков, чем Иван Алексеевич - американских миллионеров из Сан-Франциско или убийц-садистов вроде Соколовича из "Петлистых ушей" (а оба рассказа принадлежат у Бунина к самым замечательным)" [там же].

В "Автобиографических заметках" Бунин признается, что ему "даже неловко" [5, с. 93] за Чехова. По словам писателя, "<...>нигде не было в России садов с п л о ш ь вишневых: в помещичьих садах бывали только ч а с т и садов, <...> где росли вишни" [там же]. Кроме того, "ничего чудесного не было и нет в вишневых деревьях, совсем некрасивых", "совсем невероятно, к тому же, что Лопухин приказал рубить эти доходные деревья с таким глупым нетерпением" [там же]. Вместе с тем парадоксальными в "Суходоле" - повести еще начала XX в. - представляются дей-

ствия последнего хозяина усадьбы: он вырубает остатки некогда роскошного сада. Чем не чеховский финал?

Бунин не просто не любил пьес Чехова, они ему "всегда были почти ненавистны" [10, с. 136]. Вероятно, поэтому в "Зойке и Валерии" ассоциация с "Вишневым садом" подготавливает читателя к трагической развязке. Утром, во время чистки вишен, беседуя с несчастным Левицким, хозяйка "окровавленными пальцами" запускает "золоченую вилочку" [8, т. V, с. 322] в ягоду. Той же ночью разыгрывается действительно кровавая драма: герой бросается навстречу "слепящему огнями" [там же] паровозу.

Бунинская оценка драматургии Чехова совпадает с мнением алдановских героев. По убеждению персонажа-писателя Виктора Яценко из романа "Живи как хочешь", ""Вишнёвый сад" Чехова <...> неизмеримо ниже уровня его рассказов, что бы ни говорили о нем иностранные поклонники" [2, кн. 5, 35-36].

В некоторых текстах Бунина и Алданова наблюдается сходство с рассказом "Дама с собачкой". Сознание героев навсегда меняется после неожиданных даже для них самих адюльтеров: то, что происходит "потом" (слово из "Дамы с собачкой" [11, т. X, с. 133]), важно и для Чехова, и для Бунина с Алдановым ("много лет вспоминали потом эту минуту" герои "Солнечного удара" [8, т. IV, с. 383]; "Потом он ее, как мертвую, положил на койку" в "Визитных карточках" [8, т. V, с. 314]; "Потом" "плакала" Муся в "Пещере" [1, т. IV, с. 353]).

В "Кавказе" исходная ситуация кажется той же, что у Чехова: героиня стыдится своего грешного положения, короткое курортное счастье вскоре должно закончиться возвращением к обычной жизни с нелюбимым мужем. В "Даме с собачкой" так и происходит: очередная житейская история без развязки, финальная (пусть трагически-фатальная) точка отсутствует. И у Бунина - катастрофическое событие, ставящее точку в конце рассказа, потрясающее случившейся бедой: самоубийство обманутого супруга.

Финалы бунинских и алдановских рассказов о любви традиционно остаются по-чеховски открытыми и печальными. Невозможность, недостижимость счастья, - лейтмотив творчества Бунина особенно пронзительно звучит в прошедшем времени эпизодов или даже мгновений "Темных аллей":

"- Сколько лет мы не видались? Лет тридцать пять?"

- Тридцать, Николай Алексеевич. Мне сейчас сорок восемь, а вам под шестьдесят, думаю?" [8, т. V, с. 252-253].

Недолгое счастье - солнечный удар в "Тёмных аллеях" имеет, как правило, две развязки: расставание (надолго или навсегда) или смерть (расставание навеки). Навсегда расстаются в "Стёпе", "Музе", "Визитных карточках", "Тане", "Чистом понедельник". Ещё чаще умирают - кончают с собой ("Кавказ", "Зойка и Валерия", "Гаянганская", "Часовня"), убивают жён ("«Дубки»"), любовниц ("Генрих", "Пароход «Саратов»"), проституток ("Барышня Клара"), просто закрывают глаза в вагоне метро ("В Париже"), гибнут во время родов ("Натали"), на войне ("Таня", "Холодная осень"). Трагизм объясняется, по признанию и сравнению самого Бунина, тем, что "Боккаччо писал "Декамерона" - книгу о любви - во время чумы, а он "Тёмные аллеи" во время войны" [3, с. 308].

Вариация на ту же тему - в рассказе Алданова "Истребитель", где события некоторыми чертами напоминают о "Даме с собачкой" и "Трёх сестрах", а действие происходит в 1945 году на Южном берегу Крыма.

Иван Васильевич, истребитель насекомых, тайно влюблен в декоратора Марью Игнатьевну, называющую его то тургеневским, то чеховским персонажем. Соотнесение с "лишними людьми", воспетыми русской классикой, было ему приятно, хотя "он и хотел походить на полковника Вершинина, но ни малейшего сходства с ним в себе не находил" [2, т. III, с. 268]. По наблюдению В.В. Шадурского, "в несобственно-прямой речи алдановского героя Вершинин назван именно полковником" [12, с. 233]. Соотнесение с чеховским персонажем лишено точности, но Ивану Васильевичу эта литературная ассоциация очень важна для осознания самого себя. Алданов приводит нам внутренний монолог героя, пытавшегося даже писать заметки о литературе:

"Критики говорят, что у Чехова в пьесах ничего не происходит. А у него что ни пьеса, то выстрелы, самоубийства, дуэли, пожары. Вот со мной действительно за всю мою жизнь ничего не случилось" [2, т. III, с. 268].

Несмотря на благоприятно складывающиеся обстоятельства, случай мешает Ивану Васильевичу объясниться с Марьей Игнатьевной, и их союз становится невозможным. Счастливого соединения героев не происходит - Алданов, подобно Чехову, лишает рассказ благополучного финала.

Подводя итоги, можно отметить следующее. На характере бунинских текстов рубежа веков, в "Окаянных днях", в творчестве эмигрантского периода и во многих произведениях Алданова сказываются образы и мотивы чеховских рассказов и пьес. Именно Бунин помог понять Алданову Чехова: сюжетно, тематически, идейно. Во время Второй мировой войны Бунин пишет исключительно о прошлом, Алданов же, как Чехов в свое время, создает публицистику и рассказы на злободневные темы.

Используя реминисценции из произведений Чехова и других писателей XIX века, аллюзии на их тексты и биографии, Бунин и Алданов по-своему решают разные художественные задачи. В разной степени они становятся продолжателями традиций русской классической литературы, преобразая на их основе современный опыт и мироощущение. Но Чехов стал для Бунина и Алданова одним из важных ориентиров в выборе свободного пути творчества, в поиске тем и стиливых решений.

Литература

1. Алданов М.А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1991.
2. Алданов М.А. Собрание сочинений: В 6 кн. М., 1991-1996.
3. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М., 1983.
4. Бабореко А.К. Из переписки И.А. Бунина // Новый мир. 1956. №10. С. 197-211.
5. Бунин И.А. Автобиографические заметки // Бунин И.А. Под серпом и молотом. Сборник рассказов, воспоминаний, стихотворений. Лондон (Канада), 1975.
6. Бунин И.А. Окаянные дни: Неизвестный Бунин. Т. 10. Кн. 2. М., 1991.
7. Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955.
8. Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1988.
9. Гейдеко В.А. А. Чехов и Ив. Бунин. М., 1987.
10. Чернышев А. "Этому человеку я верю больше всех на земле" // Октябрь. 1996. №3. С. 115-156.
11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1977.
12. Шадурский В.В. А.П. Чехов в творчестве М.А. Алданова // Молодые исследователи Чехова. Сборник статей. Вып. 6. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, май 2008). М., 2009. С. 229-238.
13. Шадурский В.В. А.П. Чехов в литературном контексте Русского зарубежья // А.П.Чехов и мировая культура: взгляд из XXI века: Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 29 января - 2 февраля 2010 года). М., 2010. С. 136.